

СОВРЕМЕННАЯ НЕМЕЦКАЯ ПРОЗА

Нагашыбаева Г.Б., Танжарикова А.В.

Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, e-mail: diltuza.talenova@mail.ru

В последнее десятилетие XX века возникло почти необозримое количество романов и рассказов, которые, по существу, являются эстетической реакцией на исторические события падения Берлинской стены и объединение двух немецких государств, поэтому возникшую литературу в дискурсе поворота рационально так и обозначить – литературой *поворота*. К этому термину обращаются Джулия Корманн и Ф.-Т. Груб [1].

Окидывая взором прошлое немецкой литературы, обращаешь внимание на несоответствие литературных рубрик в изданиях и литературной продукции в них. И это несмотря на то, что уже практически с падением Берлинской стены наступило осознание необходимости и востребованности произведений, широко охватывавших современный перелом 1989-90 годов. Всё же мы можем назвать 3 произведения, которые посвящены началу 1990-х годов и литературной интерпретации новейшего прошлого Германии. Ф.-К. Делиус в рассказе «Груши Риббека» (1991) представляет в качестве места действия деревню, ставшую знаменитой благодаря стихотворению Фонтане, и в форме бесконечного повествования выражает протест крестьян против враждебного принятия Востока Западом. Символически, сжато показана оккупация – западный немец к празднику в честь Фонтане и немецкого единства привозит с собой символическое грушевое дерево, несмотря на то, что одно такое в деревне уже есть, и как знамя водружает на занятой территории, не уточняя у восточных немцев исторически достоверное место.

В центре романа-эссе Курта Драверта «Зеркальная страна. Немецкий монолог» (1992) – полемика с поколением отцов. Остающийся безымянным рассказчик ведёт речь от первого лица о травмирующих последствиях социализации языка, которые, по сути, сводились и сводятся к подчинению детей языковой власти отцов, и о попытках уклониться от этого. Нужно забыть манипуляционно-институальный языковой дискурс господствующего в ГДР порядка, стремиться к новому языку. Но роман не даёт ответа на вопрос, может ли это стать реальностью.

В середине 1990-х этот подведомственный паралич, разумеется, разрешается в литературном буме поворота, который возник, вероятно, вследствие увеличивающейся дистанции между отцами и детьми и продвинутым поколением авторов. В 1994 году Фритц Рудольф Фрис издает восходящий к испанскому плутовскому роману «Монахины из Братиславы. Государственный и криминальный роман», в вихре эпизодов которого отображен крах ГДР. В этом же ряду необходимо указать роман Фолькера Брауна «Флюгер» (1995), представляющий сатирический диалог между безработным «Я» и «ОН», а именно: сначала развернувшимся, затем успешно перешедшим в экономику политическим «флюгером», давшим название роману. Роман Эрика Лоеста «Церковь Николая» (1995), напротив, лишь приближается к повороту. В центре произведения – вроде бы адаптировавшаяся семья Бахер, которая в конце 1980-х годов начинает сомневаться «в реальном социализме» ГДР.

Список литературы

1. Литература и «поворот». Восточно-немецкие авторы после 1989 года. – Висбаден, 1999. – С. 107-117; Груб Ф.-Т. «Поворот» и «единство» в зеркале немецкоязычной литературы. – Т. 2.: Исследования. – Берлин, 2003 – С.68-95.

2. Бух Ханс Кристоф. Берлинская стена и немецкая литература // Избранное. Речь, эссе и письма о состоянии нации. – Франкфурт-на-Майне, 1994.-С. 11-20.

СОВРЕМЕННАЯ РУМЫНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Нартаева И.Н., Танжарикова А.В.

Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, e-mail: diltuza.talenova@mail.ru

В конце XX-го века представители поколения писателей и поэтов 80-х годов достигли зрелости и разнообразили технику своего искусства, всё же не избегая установления некоторых клише по доминантам поэтики. Поколение девяностых годов утвердило себя попытками превзойти пародией и ироническим употреблением прежнего техницизма и «александринизма» некий эрметизм искусства восьмидесятников. Эта тенденция усиливается в творчестве нового поколения начала XXI-го столетия, когда культивирование аутентичности достигает своей высшей точки в предпочтении документальности всякого рода: психологической, исторической, социальной. Такая творческая направленность стала доминирующей для всего искусства данного периода, но её выражение в разных формах и жанрах породило богатое и ценное с эстетической точки зрения разнообразие, о котором мы и хотим далее поговорить.

Не удивительно, что поколение девяностых годов, к которому принадлежат Кристиан Попеску, Иоан С. Поп, Михаил Гэлэцану, Даниел Бэнулеску, Лучиан Василеску, Юстин Панца, Овидиу Нимиджеан или Радундрияну, восстанавливает место аффективности в поэтическом тексте, который в его отсутствии ожидала опасность стать просто церебральной эмиссией. Именно молодые двухтысячники продолжают линию экзистенциального усвоения реальности в поэтическом тексте, усвоение, предложенное поэзией Иона Мурешана, Траяна Кошовя, Никиты Данилова или Иоана Стойчу. Объявленный особым манифестом фактуризм придаёт этой тенденции вид радикализма, изменяющего что-то на уровне синтаксиса их поэзии, а не на уровне поэтического настроения. Поэтому считаем, что разрыв с восьмидесятниками, так энергично утверждённый после 1990-го года, является на деле только желанием со стороны некоторых поэтов и ходячей критической формулой, в отсутствии более точных и более тонких ориентиров у литературной критики. С нашей стороны, более эффективно найти у таких поэтов как Мариус Януш, Клаудиу Комартин, Дан Сочу, Дан Коман или Руксандра Новак формативные влияния, а не абсолютизировать различия, объясняющиеся разностью темпераментов и мировоззрений. Естественным кажется тот факт, что в начале нового тысячелетия поэты предчувствуют кризис других эпох, переживая свои дилеммы. Не стоит превращать эту нормальность в аномальность и забывать, что волей неволей в конце концов всё состоит в продолжении прошлого.

В связи с этим правильно отметил Марин Минку в своей книге «Критическая панорама румынской литературы XX-го века», что «их дискурс тяготеет к нулевому уровню поэтического сообщения, ясно отличаясь от эстетической иллюзии их предшественников-текстуалистов» [1, с.48]. Среди поэтов, утвердивших себя в 90-е годы, Кристиан Попеску и Иоан С. Поп стали уже парадигматическими. Если первый из них предложил «терапевтическую поэму», то последний публикует в 1994-м году ставшую знаменитой книгу стихов «Иеуд без выхода». Поэзия представляется намеренной свободой очищающей исповеди, зараженной драматизмом. Эта исповедь и доказывает единственной возможностью отрыва от дей-

ствительности. Таким образом, воображение остаётся единственным инструментом, который, предоставляя банальной реальности оттенок метафоричности, сможет и освободить от неё. Но всё реализуется как круг в круге, отождествленном с реальностью текста: «На кухне кордоба, в которой приютились сомнения \ мыши, уничтожь сомнения, слишком долго мы жили с нею \ и не знаем, кто на кого охотится. \ В нашей одежде мы не мы; они, как живые, безнадежно машут рукой \ давай, беги в складки наших одежд \ и воткни копье в них и освободи их от нас, \ ты один всю жизнь свою прожил \ в Испании этой комнаты \ и только ты умеешь ...»

Список литературы

1. Dan C. Mihailescu. *Literaturaromana in postcausism*. T.I. Memorialisticasautrecutula re-umanizare. – I as i: Polirom, 2004.
2. Marin Mincu. *Opanorama critica a poeziei romane din secolul al XX-ea*. – Editura «Pontica». – Constanta. – 2007.
3. Manoles Cu N. *Istoriacriticailiteraturiiromane*. – Bucuresti. 2008.

СОВРЕМЕННАЯ СЛОВАЦКАЯ ПОЭЗИЯ

Сакен С.А., Танжарикова А.В.

Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, e-mail: difuza.talenova@mail.ru

Словацкая поэзия на рубеже тысячелетий, точнее, с 90-х гг. XX века, реагировала (положительно либо отрицательно) на поэзию предыдущих десятилетий и творчески отталкивалась от нее. Поэтому необходимо наметить контуры поэтики творчества старшей генерации писателей, которые, благодаря своему креативному потенциалу, постоянно присутствуют в современной поэзии, и к которым она – явно или неявно – отсылает. Авторы, произведения которых играют важную роль первоосновы выработки нынешней формы словацкой лирики, определяющие направление и характер поэзии, несомненно, принадлежат к поколению 60-х гг. прошлого века: индивидуалисты Ян Бузаши и Штефан Отражай, а особенно поэты, входящие в группу под названием «Tmavaskurpa» («группа Трнава», Трнава – город в западной Словакии, где она сформировалась. – Н.М.), или так называемые конкретисты (Ян Михалкович, Ян Стахо, Ян Шимонович, Любомир Фелдек, частично Ян Ондруш), развивающие экспрессивный сенсуализм. Их наиболее важным эстетическим открытием было употребление конкретно-смысловой метафоры. Эта метафора стала существенным компонентом строя инновационного поэтического дискурса, который стремится к переопределению когнитивной реальности посредством первичного (сенсорно-смыслового) когнитивного восприятия.

Модернистские инспирации находят свое отражение и в усилиях экспериментаторов (в основном К. Збруж), некой оппозицией этой тенденции является линия медитативных текстов, к созданию которых стремится часть «варваров» (Й. Литвак, Р. Биелик). На вышеупомянутой богемной эстетической стилизации, но прежде всего, на стилизированной подлинности лирического субъекта, делает особый акцент молодое поколение поэтов и поэтесс конца тысячелетия. Теоретик Ярослав Шранк называет их «textgeneration – соблазнитель смысла» [1], но считает их не поэтической генерацией в строгом смысле слова, а объединением с «отбором родственных текстов» [1]. Поэтика их произведений вытекает из убеждения, что тождество слова и реальности – это лишь иллюзия, которая обуславливает аутентичность не только стихов, но и самого автора, его намерений, оригинальность как его творческого мышления, так и его языка. В то же время определяются главные для этого «родственного отбора» эстетические приемы: созда-

ние ансамблей, коллажей, ремиксов, констелляция, компановка, комбинация, переработка, варьирование, пермутация, апроприация, персифляж, «впитывание» чужого творческого материала и т.д. Однако так как речь идет о «родственном отборе», а не о поэтической группировке в традиционном смысле, поэтика «textgeneration» по-разному рассматривает творчество отдельных представителей словацкой поэзии, /шшущих на стыке тысячелетий. Сложным является и отношение поэтов к вопросу поэтической традиции. Здесь проявляется их экспериментальный отказ от традиций, авангардный жест опрокидывания концепции поэтического языка, неудовлетворенность ожиданий.

Поэтический язык, а также образ поэтичности, начали быстро расширяться благодаря сборникам стихов Петра Мачовского на стыке «неэстетизма» и концептуализма. Одновременно с дебютом Михала Хабы его книги задали тон, который – в своеобразной форме падшего концептуализма – постепенно становится объектом подражания.

СОВРЕМЕННАЯ ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Тожибоева Р.Р., Танжарикова А.В.

Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, e-mail: difuza.talenova@mail.ru

Испания – страна с богатыми традициями, древней культурой и многовековой историей. Испанская литература известна мировому читателю произведениями Лопе де Вега, Мигеля де Сервантес Сааведра, Федерико Гарсиа Лорка. Почитаемы они и в Казахстане, их произведения переводятся на казахский язык. В последние годы одним из направлений Государственной программы Республики Казахстан «Культурное наследие» является подготовка и издание достижений мировой классики на государственном языке. В 2007 году в серии «Библиотека мировой литературы» на казахском языке было издано одно из лучших произведений классика испанской литературы М.С. Сааведры – роман «Айлакер идальго Ламанчалык Дон Кихот» [1]. В настоящее время в Казахстане с творчеством современных испанских прозаиков и поэтов можно познакомиться и на испанском языке. Так, в Национальной библиотеке Республики Казахстан в зале иностранной литературы представлено значительное количество книг современных испанских писателей и поэтов.

Современное состояние литературного процесса в Испании имеет ряд отличительных особенностей, которые связаны с тем, что испанские поэты и писатели создают свои произведения на испанском, баскском и галисийском языках. Жанровая специфика испанской прозы разнообразна – повести и романы, рассказы и драмы. Так как ведущим жанром любой прозы, в том числе и испанской, является роман, то к наиболее популярным можно отнести автобиографические, любовные, приключенческие и детективные романы. К жанру автобиографии обычно обращаются писатели старшего поколения, имеющие определенный жизненный опыт и воссоздающие свое прошлое. Детективная литература отражает настроения и состояние общества, в котором мафия, преступления, криминальные истории пронизывают различные слои населения. Одной из примет времени является активное переосмысление и обращение к литературному наследию прошлого, что способствует распространению исторического романа. Пользуются успехом и романы-путешествия. Развивается фантастика, отражающая стремительный прогресс науки и техники. По мнению испанского литературного критика Хуана Кобо, в современной литературе